

ЛОЛИТА ЛАНСКАЯ

НЕВЕРНЫЙ.
ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА
ГЕНЕРАЛА

18+

Лолита Ланская

Неверный. Последняя надежда генерала

<https://litres.ru/74608578>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Я с ней закончу, Лада. Не разрушай семью.

— Ты уже разрушил ее, Савва. Просто думал, что я никуда не денусь.

Муж-генерал привык решать за всех. Считал, что ради дочери и пятнадцати лет брака я проглочу измену. Я подала на развод.

Четыре года спустя у меня свое дело, другой мужчина и жизнь, в которой бывшему нет места. Все меняется, когда Савва появляется в моем реабилитационном центре после тяжелой травмы.

Дочь просит помочь отцу. Он интересуется, куда я ухожу по вечерам, и ревнует так, будто все еще мой муж. А я злюсь на его вопросы, знакомый голос И особенно на себя — за то, что снова жду его звонков.

Теперь он хочет вернуть меня — впервые просит, а не приказывает. И когда я почти готова поверить, что мы начнем сначала, признается: я знаю не все.

Оказывается, измена — еще не самое страшное, что он со мной сделал.

Содержание

Содержание	5
Глава 1. В расписании его не было	7
Глава 2. У приличных людей тоже бывают бывшие	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лолита Ланская

Неверный. Последняя надежда генерала

Содержание

- Глава 1. В расписании его не было
- Глава 2. У приличных людей тоже бывают бывшие
- Глава 3. Чужая фамилия на двери
- Глава 4. Не помогай мне молча
- Глава 5. Третий взрослый за столом
- Глава 6. Работа, которую я не просила разрешать
- Глава 7. Женщина, на которую удобно злиться
- Глава 8. Хорошее предложение
- Глава 9. Цена бесплатного оборудования
- Глава 10. После выписки
- Глава 11. Восемнадцать свечей
- Глава 12. Пока ты мне веришь
- Глава 13. Ты позвонил раньше меня
- Глава 14. Не проси меня быть разумной
- Глава 15. Город, в который я все-таки приехала
- Глава 16. Никто не выдаст мне справку
- Глава 17. Нам оставили два места

Глава 18. Я согласилась

Глава 19. Остаься до утра

Глава 20. Эпилог. Ключ на двоих

Глава 1. В расписании его не было

Лада

– Мам, только не начинай с порога, ладно? Он и так с утра ни слова не сказал.

Прижимаю телефон плечом к уху и опускаю договор на стол. В холле гремят чем-то тяжелым: грузчики заносят шкаф в новый кабинет. Собиралась пойти и проверить, что они там делают, но теперь смотрю на собственную подпись.

– Глаша, а почему ты решила, что я собираюсь начинать? Мы договорились о консультации, а не о семейном разбирательстве.

– Я знаю! Просто... поговори с ним нормально. Пожалуйста, – просит дочь. Голос дрожит, а я уже чувствую себя последней дрянью, хотя Савва еще даже не приехал.

– Поговорю. Вы далеко?

– Уже поворачиваем.

Кладу телефон и зачем-то поправляю ворот блузки. Собиралась спокойно встретить его, передать Инге Ясневой, нашему неврологу и моей партнерше по центру, вернуться к работе. В «Практике» я занимаюсь нейропсихологической работой, а медицинские решения принимает Инга. Сегодня к ней на прием придет мой бывший муж. Черт, прекрасно получается не волноваться!

– Они скоро? – Инга заглядывает в кабинет с распечаткой

в руке.

– Подъезжают. Аглая попросила меня вести себя прилично.

Инга усмехается, однако взгляд у нее внимательный.

– Лад, я его приму. Тебе необязательно сидеть на консультации.

– Я и не собираюсь, – отвечаю слишком быстро. Инга замечает, но, к счастью, не начинает меня успокаивать.

– Тогда подпиши вот это. И не отдавай им акт приемки шкафа. Они привезли его без полок и объясняют, что так он просторнее.

– Передай, что без задней стенки было бы еще лучше. Можно проходить насквозь.

– Не подсказывай. Нам еще второй шкаф принимать.

Подписываю документ и смотрю на новое сообщение от Эмиля.

«В шесть у ресторана? Или заехать за тобой?»

«У ресторана. Хочу немного пройтись».

«Тогда до вечера».

Улыбаюсь экрану, но улыбка гаснет, едва из холла доносится:

– Пап, подожди! Дай сначала дверь придержу.

Оставляю телефон на столе и выхожу. Савва стоит возле входа. Трость в левой руке, темное пальто расстегнуто. Аглая пытается одновременно забрать у него папку и удержать тяжелую дверь, отчего только сильнее мешает.

– Глаша, – негромко произносит он, – папку возьми. Дверь я уже прошел.

Знакомый голос заставляет меня остановиться. По телефону было проще. Можно смотреть в окно, переставлять чашки, только не представлять, как он сейчас выглядит. Четыре месяца назад, во время служебной поездки, машина Саввы попала в аварию. Травма головы, сложный перелом правой ноги; сначала больница в другом городе, потом ранняя реабилитация. В «Практику» его направили уже на следующий, дневной этап. Все эти месяцы я видела его на фотографиях от дочери, почти всегда сидящим. На снимках легче было убедить себя, что самое страшное позади. Теперь замечаю, как свободно сидит на нем пальто, как осторожно он ставит правую ногу. Упрямо выпрямляется, хотя только что тяжело опирался на трость. Господи, я совершенно к этому не готова! До боли жалко его, и одновременно хочется спрятаться у себя, лишь бы он не заметил моей растерянности. Савва поднимает голову.

– Здравствуй, Лада.

Смотрит прямо, не отводя глаз. Сегодня выбрит, волосы аккуратно подстрижены, ворот рубашки лежит ровно. Готовился к встрече? Не придумывай, Лада. Он всегда следил за собой.

– Здравствуй. Проходите, вас ждут.

Тянусь помочь ему с пальто и тут же останавливаю руку. Аглая уже забирает одежду, а Савва переводит взгляд с моих

пальцев на лицо. Заметил. Разумеется, заметил.

– Сюда, – показываю на комнату рядом с приемной. – Инга сейчас подойдет.

По дороге он замедляет шаг возле моего кабинета.

«Лада Веденеева. Клинический психолог».

Савва читает табличку, смотрит на меня. Девичью фамилию я вернула сразу после развода, а чувствую себя так, будто повесила ее здесь специально к его приезду. Молча открываю следующую дверь. Аглая идет следом и напряженно следит за нами обоими. В комнате Савва выбирает кресло с подлокотниками, осторожно садится, кладет папку на стол. Дочь устраивается рядом, не снимая куртку.

– Глаш, раздевайся. Здесь жарко.

Она собирается возразить, но под моим взглядом все-таки стягивает куртку с плеч. Савва наблюдает, пока я вешаю одежду и сажусь напротив. Мне хочется пригладить волосы, убрать с лица выбившуюся прядь. Вместо этого беру приготовленные документы.

– Здесь условия дневной программы. Сегодня Инга все обсудит с тобой и уточнит расписание. С договором можно спокойно ознакомиться дома.

– А с тобой когда? – спрашивает он, даже не взглянув на бумаги.

– Со мной занятий не будет, – отвечаю, убирая руку со стола.

Аглая резко поворачивается ко мне. Ну конечно. Догово-

рились, называется.

– Почему? – Савва чуть подается вперед. – Мне сказали, твое направление тоже понадобится.

– Возможно. Тогда с тобой будет работать моя коллега.

– Лада, я знаю, что ты хороший специалист. И мне было бы проще с тобой. Не нужно никому заново объяснять, какой я человек.

Он говорит неторопливо. На длинной фразе делает паузу, недовольно прижимает губы друг к другу и продолжает:

– Я думал, это уже решено.

Вот теперь я узнаю генерал-майора Ремезова, который привык сначала решить, а потом поставить меня в известность. Решено? Аглая попросила посмотреть документы, Инга поговорила с его врачом, мы назначили прием. Откуда за это время взялась моя обязанность заниматься с ним лично?

– Нет, Савва, мы такого не обсуждали. Ты будешь проходить программу у нас, но мои занятия в нее не входят.

– Мам, ты хотя бы послушай! – Аглая цепляется пальцами за край стола. – Он не кому-то постороннему доверится, а тебе. Разве так не лучше?

– Для меня – нет.

Дочь замолкает. Савва откидывается на спинку кресла. Я ответила жестче, чем хотела. Но если сейчас отступлю, уже на следующей неделе буду следить, выпался ли он, сердиться, что переутомился. И ненавидеть себя за то, как жду его

прихода.

— Глаша, здесь есть специалисты, которым я доверяю, — говорю, стараясь не повысить голос. — Папе помогут. А мне не нужно проводить занятия самой, чтобы этого хотеть.

— Хорошо, — произносит Савва. — Я услышал. — Он откидывается в кресле. По голосу понимаю, что недоволен. Уж это ни с чем не спутаю.

— Только не надо делать вид, что я отказываю тебе в помощи, — не выдерживаю я. — Тебя здесь примут, с тобой будут заниматься!

— Я этого не говорил, — возражает он, не сводя с меня глаз. — И вообще не понимаю, из-за чего ты сейчас сердишься. Я спросил, ты отказалась. Или мне нельзя было даже спросить?

Аглая шумно втягивает воздух, и я замолкаю. Прекрасно. Десяти минут не продержалась. В дверь стучат. Инга входит с планшетом, здоровается с Саввой и, кажется, сразу понимает, как удачно выбрала время.

— Можем начинать? Документы я изучила, теперь хочу задать вам несколько вопросов.

Савва берется за трость. Аглая вскакивает, но он просит ее подождать здесь. Проходя мимо меня, задерживается.

— Ты сегодня до скольких?

— До половины шестого.

Он уходит за Ингой. Стоит двери закрыться, как Аглая разворачивается ко мне.

— Ну зачем ты так? Он же просто попросил!

– А я ответила.

– Да он четыре месяца по больницам! Ему все чужие! Он думал, хоть здесь...

Голос срывается. Дочь торопливо отворачивается, но я успеваю заметить слезы. У меня все опускается внутри. Подхожу, сажусь рядом и обнимаю ее. Аглая несколько секунд упирается, а потом прижимается ко мне, уткнувшись лбом в плечо.

– Мы от машины шли, – глухо говорит она, – а он остановился. Делает вид, что что-то в телефоне смотрит. Я вижу, что ему тяжело, и не знаю, куда мне деваться! Предложу помочь – сердится. Не предложу – будто я вообще не замечаю...

Глажу ее по волосам. У меня самой саднит в горле.

– Ты не обязана каждый раз угадывать, как правильно. Он тоже должен говорить, когда ему нужна помощь.

– Он не будет.

– Знаю, что с ним трудно. Но ты не должна каждый раз бояться, что сделаешь что-то не так.

Аглая выпрямляется, проводит пальцами под глазами.

– Я не прошу тебя снова за него замуж, мам. Просто не надо с ним так, словно он тебе вообще никто.

Смотрю на ее мокрые ресницы. Если бы он был мне никто, я бы встретила его, улыбнулась, показала кабинеты. Не расстроилась бы, увидев, как он похудел, не злилась бы из-за одного его взгляда.

– Я поговорю с ним после приема, – обещаю. – И постараюсь не сердиться раньше, чем он успеет что-нибудь сказать. Но заниматься с ним я все равно не буду.

Она вздыхает, однако больше не спорит. Когда Аглая выходит в холл, я остаюсь одна и смотрю на свою ладонь. На коже краснеют следы от ногтей. Даже не заметила, как впи-лась ими в руку. После раздела имущества я купила небольшую квартиру. Центр мы с Ингой открыли позже – на свои сбережения и кредит. Четыре года училась жить без Саввы, а хватило нескольких минут, чтобы снова начать оправдываться перед ним. Перед мужчиной, который изменил мне после пятнадцати лет брака. Поднимаюсь и иду умыться. Встреча с Эмилем никуда не делась, и отменять ее я не собираюсь. За оставшийся час отвечаю на письма и добиваюсь от поставщика обещания довести полки. Ему я без труда объясняю, что именно меня не устраивает, и не мучаюсь потом вопросом, достаточно ли ласково это прозвучало.

В половине шестого выключаю компьютер, достаю помаду и замираю. Сейчас выйду, Савва посмотрит и все поймет. И что?! Я на свидание собираюсь, с мужчиной, который мне нравится. Мне тридцать девять лет. Неужели нужно еще разрешение на помаду получить? Крашу губы, убираю тубик в сумку и снимаю с вешалки плащ. Савва сидит в холле возле окна. Папка на коленях, трость рядом. Аглая разговаривает по телефону, прикрыв свободное ухо ладонью.

– Да не туда! У нас вход со двора. Подождите, я выйду. –

Увидев меня, дочь показывает на дверь.

– Мам, наша машина приехала. Я встречу, ладно?

Киваю и подхожу к Савве.

– Как прошел прием? Все понятно или остались вопросы?

– Инга все объяснила. В понедельник начинаю. – Он смотрит на плащ, потом на мою сумку. – Ты уже уходишь? Я думал, мы еще поговорим.

Останавливаюсь возле края дивана.

– Я пока здесь. Что ты хотел? – Савва хмурится, и я невольно сжимаю ремешок сумки.

– Лада, можно без этого тона? Я не собираюсь скандалить. Просто хотел с тобой поговорить.

– Я тебя слушаю.

– Стоя у двери?

До двери от меня несколько шагов, но спорить об этом бессмысленно.

– У меня закончился рабочий день. Я не могу сейчас задержаться.

– Даже на десять минут?

Можно написать Эмилю, предупредить, что опоздаю. Он поймет... Сжимаю ремешок сумки. Нет. Я еще не вышла из центра, а уже собираюсь менять планы, потому что Савва хочет, чтобы я посидела рядом.

– Сегодня не получится. В другой раз можем договориться заранее.

Савва закрывает папку, и я наконец спрашиваю:

– Ты о чем поговорить-то хотел? О дочери?

– Не о дочери. О тебе. Я четыре года почти ничего о тебе не знаю.

– А раньше не хотелось спросить?

Он отворачивается к окну. Успеваю пожалеть о резкости, но извиняться не хочу. За стеклянной дверью Аглая машет отцу. Машина наконец подъехала куда нужно. Савва берет трость и встает. Я невольно подаюсь вперед, готовая подхватить его за локоть, но он успевает выпрямиться сам.

– Не надо, – негромко говорит он.

– Я вижу.

Теперь он стоит совсем рядом. Мне приходится поднять подбородок, чтобы посмотреть ему в лицо. От его воротника пахнет знакомым средством после бритья. Вспоминаю, как целовала его перед выходом из дома. Савва морщился, если я оставляла помаду, и тут же сам тянулся за новым поцелуем. Разжимаю пальцы: ремешок больно врезается в ладонь. Ну зачем я это вспомнила именно сейчас?! Савва смотрит на мои губы. Совсем недолго, но я замечаю. У меня перехватывает дыхание, и от этого хочется немедленно отойти.

– Ты куда так торопишься? – спрашивает он.

– У меня встреча.

Его взгляд снова скользит по блузке, задерживается на серьгах.

– Рабочая?

Поправляю плащ на сгибе локтя и впервые за весь разго-

вор улыбаюсь без усилия.

– Нет, Савва. Именно поэтому я не собираюсь на нее опаздывать.

Глава 2. У приличных людей тоже бывают бывшие

Лада

– Лад, я не предлагаю выставить его на улицу, – перебивает Эмиль. – Я вообще пока ничего не предлагаю. Почему ты уже десять минут объясняешь мне, что не могла ему отказать?

Замолкаю с бокалом в руке. В ресторан я пришла вовремя и обрадовалась Эмилю. Встречаемся третий месяц, хотя знакомы гораздо дольше: его мастерская занималась нашим помещением. Он поцеловал меня в щеку, помог снять плащ, спросил, как прошел день. Надо было ответить: «Тяжело». Вместо этого доказываю, что мое личное участие в восставлении Саввы не требуется.

– Прости. Я увлеклась.

– Я заметил. Уже могу сам объяснить твоему бывшему мужу, почему ты не будешь с ним заниматься.

Он улыбается, но не так легко, как при встрече. Отставляю бокал.

– Тебе неприятно, что он будет у нас?

– Мне неприятно, что ты сейчас со мной, а думаешь о нем.

Становится жарко. Быстро смотрю в сторону окна, хотя разглядывать там нечего, кроме собственного отражения.

– Я не...

– Думаешь, Лад. И это, наверное, нормально после такой встречи. Только не заставляй меня притворяться, что я ничего не замечаю.

К столу подходит официант. Благодарна ему почти неприлично сильно. Заказываю пасту. Когда он уходит, Эмиль наклоняется ко мне:

– Ты вообще обедала?

– Кофе пила.

– Тогда сначала поешь. Ругаться на голодный желудок с человеком, который ни в чем не виноват, особенно обидно.

– Я с тобой не ругаюсь!

Он приподнимает бровь, и я закрываю лицо ладонью.

– Господи... Ладно. Прости. У меня сегодня все слова выходят громче, чем я собираюсь.

Эмиль придвигает ко мне корзинку с хлебом. Отламываю кусочек, больше для того, чтобы занять руки.

– Я не думала, что мне будет так тяжело его увидеть, – признаюсь наконец. – Но я не хочу весь вечер говорить о нем. Я ждала этой встречи, Эмиль.

– Тогда давай сменим тему. Иначе я тоже начну рассказывать про свою бывшую, а к десерту мы друг друга возненавидим.

Он накрывает мою ладонь своей. Рассматриваю наши руки, потом поднимаю глаза к его лицу и задерживаю взгляд. Улыбка у Эмиля чуть кривая, отчего он кажется насмеш-

ливым даже сейчас. Нравится он мне. И я не придумала это только для того, чтобы Савве было обидно. Приносят ужин. Эмиль рассказывает о заказчице, которая три месяца выбирает зеленую плитку и теперь просит вернуться к самому первому варианту. На этот раз слушаю. Он умеет передавать чужие интонации так, что я чуть не давлюсь пастой.

– Не смейся, я же ем!

– Теперь понимаешь, почему я больше не хочу видеть зеленый цвет?

Телефон загорается. От Аглаи: «Я дома. Все нормально». Отвечаю, убираю его в сумку. Эмиль провожает движение взглядом, но ничего не спрашивает. К концу ужина почти удается забыть, как смотрел на меня Савва перед уходом. Только когда Эмиль предлагает проводить, я опять начинаю объяснять: дочь дома одна, завтра рано вставать, кое-что по работе не закончено... Он останавливается, держа мой плащ.

– Лад, я предложил проводить, а не переехать к тебе. Ты можешь просто сказать, что сегодня хочешь побыть одна.

Замираю с рукой в рукаве. Он действительно не ждет отчета. А я готовлю оправдания раньше, чем он успевает договорить.

– Сегодня хочу побыть одна, – повторяю.

– Хорошо.

Он подает мне сумку. И все. Возле ресторана задерживаюсь рядом с ним. Можно вызвать такси, но до моего дома недалеко, а прохладный воздух сейчас нужен больше, чем

удобство.

– Спасибо за ужин, – говорю. – И за то, что выдержал меня.

– В следующий раз расскажу тебе про плитку все. С самого начала. Будешь знать, с кем связалась.

Беру его за лацкан пальто и целую. Он обнимает меня, проводит ладонью между лопаток. Задерживаюсь в его руках, слушаю тихое «до завтра» возле щеки, и только потом поворачиваю к дому.

* * *

Аглая сидит на кухне с ноутбуком. На столе тетрадь, упаковка печенья и кружка, в которой забыт чайный пакетик. По цвету содержимое уже можно использовать для окрашивания мебели.

– Ты ела? – спрашиваю, снимая сумку с плеча.

– Да. А ты?

– Тоже.

Дочь смотрит на мои губы, потом быстро возвращается к экрану.

– Хорошо посидели?

– Хорошо. А вы как добрались?

– Нормально. – Она отодвигает ноутбук. – Папа дома сразу отдыхать лег. Я спросила, что ему Инга сказала, а он только: «В понедельник начну». Больше ничего.

– Устал, наверное. День длинный.

Ставлю чайник, но Аглая продолжает смотреть на меня.

– Вы опять поругались, когда я вышла к машине?

– Мы поговорили. Не очень удачно, но ничего страшного не произошло.

Она хватает печенье, ломает его пополам, но не ест.

– Я знаю, ты сейчас скажешь, что он сам виноват.

– Вообще-то я собиралась спросить, где хлеб. Но раз ты все за меня решила, можешь продолжать.

– Мам, я серьезно! Ты его даже не слушаешь, сразу злишься.

– Он тебе пожаловался?

– Нет! Он вообще про тебя ничего не сказал.

– Тогда почему я сейчас должна оправдываться?

– Потому что я помню, как вы раньше разговаривали! Вы могли полвечера сидеть на кухне и смеяться над тем, чего я вообще не понимала. А сегодня ты с ним как с... Не знаю! Как будто тебе противно, что он рядом.

– Мне не противно.

Слова вырываются слишком быстро. Выключаю чайник, не дождавшись, пока он закипит, и сажусь напротив.

– Я тоже это помню, Глаша. Именно поэтому мне сейчас непросто. Не получается забыть, что мы были семьей. Но и все остальное забыть тоже не могу.

– Он же хотел, чтобы вы остались вместе.

– Да, хотел.

Дочь будто ждет продолжения. А я вдруг вспоминаю планшет на нашей прежней кухне. Он лежал у меня под локтем.

Я искала расписание Аглаиных занятий, когда сверху появилось сообщение от Ренаты. Я знала это имя. Савва рассказывал про фонд, про какие-то мероприятия. Я даже видела эту женщину однажды. На общем домашнем планшете оставалась открыта его переписка. Рената спрашивала, забронировал ли он в гостинице тот же номер, что в прошлый раз. Палец завис над уведомлением. Я убеждала себя, что прочитаю что-нибудь совершенно невинное и станет стыдно. В переписке было несколько месяцев его жизни, о которых я ничего не знала. Встречи, перенесенные из-за меня. Сообщения после ночей, когда я думала, что он в другом городе. Ее фотографии, его ответы. Я все листала и почему-то продолжала искать место, после которого можно было бы выдохнуть.

Савва вернулся поздно. Поставил сумку в прихожей, заметил, что на кухне горит свет.

– Ты чего не спишь?

Я положила перед ним планшет.

– У тебя с ней роман?

Он посмотрел на экран. Потом на меня. И я уже знала ответ, прежде чем услышала его.

– Да.

Мне хотелось, чтобы он соврал. Хоть на несколько секунд дал возможность поверить, что я ошиблась. Но он сел напротив, стянул часы и положил рядом.

– Лада, давай спокойно. Я с ней закончу. Не нужно сейчас решать то, о чем потом пожалеет оба.

Я смотрела на часы. Это я их подарила, выбирала несколько недель и страшно волновалась, что не понравятся.

– Ты уже решил, что я останусь?

– Мы пятнадцать лет вместе, – ответил он после паузы. – У нас дочь. Я не собираюсь уходить из семьи.

– А я, значит, должна радоваться?

– Я этого не сказал! Я сказал, что закончу эти отношения. Поговорим, когда ты успокоишься.

Он сидел напротив, а я вдруг подумала, что после разговора он пойдет в нашу спальню. Ляжет рядом, выключит свет. И что я должна буду делать – тоже лечь? Отвернуться к стене и стараться не вспоминать ее сообщения?

– Мам?

Вздрагиваю. Аглая сидит напротив, все еще сжимая половинку печенья.

– Ты меня слышишь?

– Да. Прости. Задумалась.

– Я думала, ты уже... Ну, у тебя работа, Эмиль. Ты почти не говоришь о папе.

– Это не значит, что мне совсем не больно.

Дочь вытягивает губы, и я сразу жалею, что сказала так прямо. Не хочу, чтобы она начала выбирать, кому из родителей сейчас нужнее ее жалость.

– Со мной все в порядке, – добавляю. – Правда. Я не сижу и не плачу по вечерам. Но сегодня был сложный день. Давай хотя бы дома не будем продолжать ссориться.

Она кивает и кладет печенье на блюдо.

– Помнишь, как мы собирались в Петербург? – спрашивает вдруг. – Я тогда так боялась, что мы уедем. Здесь же все оставалось... Папа, школа, девчонки.

Улыбаюсь ей, хотя внутри неприятно сжимается.

– Помню. Ты предлагала звонить мне по вечерам, а жить у отца.

– Я дура была.

– Тебе было тринадцать.

– Ты очень расстроилась, когда с работой не получилось?

– Очень, – отвечаю, опустив глаза. – Мне хотелось туда попасть.

После того разговора с Саввой я подала на развод. А потом появился Петербург. Работа в центре, где меня знали по обучению и прежним консультациям, возможность вернуться к полноценной практике. Глеб Тарновский сам обсуждал со мной обязанности. Мы говорили о сроках выхода, я отправила документы. Договор еще не подписали, но он просил готовиться к переезду. Я смотрела квартиры, считала деньги. Даже купила чемодан, потому что вдруг отчаянно захотелось чего-то нового, выбранного только мной. Потом пришло письмо: планы изменились, приглашение отзывают. Благодарят за понимание. Я позвонила. Тарновский отвечал вежливо и так торопился закончить разговор, что я не смогла задать половину вопросов. Неделями перечитывала резюме. Наверное, им нужен был человек без моих перерывов в ра-

боте и семейных переездов. Просто сначала не разобрались.

Савва тогда сказал, что расстраиваться из-за ненадежной работы не стоит. Еще и предложил мне не спешить с поисками. А я уже плохо спала от страха, что нигде не нужна.

– Я радовалась, что мы остались, – тихо признается Аглая.
– А ты из-за меня...

– Нет. Даже не начинай. Ты тут совершенно ни при чем. В работе мне отказали взрослые люди, не ты.

Она кивает и пододвигает ко мне блюдо с целым печенем. Беру его, чтобы она не сидела с этим виноватым лицом. Позже, когда дочь уходит доделывать уроки, достаю телефон и пишу Эмилю: «Ты так и не рассказал, чем закончилось с плиткой». Ответ приходит почти сразу.

«Заказчица взяла еще неделю подумать. Надеюсь, за это время она передумает делать ремонт».

Смеюсь тихо, чтобы не услышала Аглая.

«Спасибо за вечер».

«И тебе. Спи уже».

Оставляю телефон возле кровати. Смотрю на темный экран и думаю, что завтра непременно будет легче.

* * *

– Давай сразу договоримся, – говорю Инге утром. – Расписание Саввы обсуждаете с ним. Не со мной и не с Аглаей. Она начнет звонить, спрашивать, не опоздал ли он, не устал ли...

– Я заметила. Вчера предложила присылать мне сообще-

ния, сколько он прошел от машины.

– Она боится. Но дежурить здесь после школы ей не нужно.

– Решим. Ты со своей стороны тоже не подходи после каждого занятия узнавать, как у него дела.

– Я и не собиралась.

Инга смотрит на меня, и я первой отвожу глаза. Вчера едва удержалась, чтобы не заглянуть к ней после консультации.

– Ладно, – признаю. – Если начну лезть, напоминай об этом разговоре.

– С удовольствием. Письменно зафиксируем?

– Не издевайся. Я и так со вчерашнего дня себя не узнаю.

– Тогда оставь нам рабочие вопросы. Иди, у тебя скоро прием.

Возвращаюсь в кабинет. До первого приема двадцать минут. Только открываю нужный файл, как вибрирует телефон. На экране имя Саввы.

«Ты тогда хотела уехать насовсем?»

Замираю, глядя на сообщение. Сейчас-то зачем? Вчера я едва от него ушла, а сегодня с утра уже должна снова вспоминать наш развод? Несколько секунд держу палец над экраном. Очень хочется написать «да». Сделать больно, заставить хоть немного почувствовать, каково было мне. Вместо этого набираю:

«Четыре года назад ты мог спросить об этом лично».

И отправляю, пока не передумала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.